

Мудернизаторы

Юрий ДАНИЛОВ, директор Фонда «Центр развития фондового рынка», зав. кафедрой финансов Международного университета в Москве, к. э. н.

Состоявшаяся 16 марта 2010 г. в Институте современного развития (ИНСОР) конференция, посвященная обсуждению доклада «Структурная модернизация финансовой системы России», у меня лично и у многих профессиональных финансистов, с которым удалось обменяться мнениями относительно ее содержания, вызвала чувство полной беспомощности нынешней политической элиты, представители которой (чиновники и депутаты) в основном и были выступающими на конференции.

Наш доклад стал, на мой взгляд, первым опытом, во-первых, рассмотрения целей развития финансовой системы в тесной увязке с целями развития национальной социально-экономической системы в целом, включая цели коренной модернизации реального сектора, и, во-вторых, комплексного подхода к развитию всей финансовой системы страны, без разделения ее на отрасли («банковский сектор», «финансовые рынки» и т.д.), для каждой из которых сейчас существует своя стратегия развития, слабо связанная с другими отраслевыми стратегиями и с Концепцией долгосрочного развития страны. Чиновники и депутаты, напротив, старались отделить финансовый сектор от реального и даже противопоставить их, исходя из того, что реальный сектор — это «наше все», а финансовый — «вредоносные спекулянты».

Между тем сегодня значение финансового сектора выросло беспрецедентно. Три основных глобальных процесса современности (глобализация, секьюритизация, старение населения развитых стран) обуславливают драматически резкое повышение значения финансовой конкурентоспособности стран. Возникла принципиально новая ситуация — финансовый рынок стал глобальным и одновременно повсеместным, увязывая распределенные по всему миру активы в единый механизм оценки, обмена и перераспределения. Так, секьюритизированный долг бомжа из Урюпинска по потребительскому кредиту становится базисным активом дефолтного свопа, для заключения которого неаполитанский спекулянт использовал деньги китайского крестьянина. И вместе с тем финансовый рынок стал основным каналом распространения кризисных факторов по всему миру, и вследствие этого больше других страдают от глобальных кризисов страны с неустойчивыми финансовыми системами.

Как показывает опыт текущего кризиса, именно в ходе кризисов вообще проявляется реальная конкурентоспособность финансовых систем различных стран и происходит масштабное перераспределение глобальных капиталов. Проигрыш в конкуренции за глобальные капиталы неизбежно приводит к проигрышу в экономической и политической конкуренции стран. В современных условиях финансовая конкурентоспособность разных государств столь же важна, как военная конкурентоспособность стран и блоков 50 лет назад.

Одной из ключевых идей нашего доклада стало предупреждение о том, что крайне низкий уровень экономической устойчивости, являющийся обратной стороной форсированного

развития, может стать причиной того, что следующий глобальный кризис разрушит Россию. Современная отечественная политическая элита может, таким образом, войти в историю в качестве могильщика страны. И, к сожалению, она сыграет эту роль, если ее не обновить в кратчайшие сроки хотя бы наполовину.

Эта элита совершенно не готова и не способна к модернизации — ей и без нее хорошо. Она не понимает масштабов модернизации, не видит драматического разрыва между объемом долгосрочных ресурсов, необходимых для финансирования модернизации, и существующим и перспективным предложением таких ресурсов; у нее совершенно отсутствует понимание роли и места финансового сектора в современной экономике и, тем более, в современной российской ситуации; ее интересы противоположны интересам страны.

А интересы страны состоят в абсолютной необходимости модернизации, масштабы которой должны превосходить масштабы модернизации 30-х годов прошлого века. Какая модернизация нам нужна? Та, которая позволит России соответствовать реалиям мирового развития в ближайшие 50 лет, т.е. эффективно развиваться в условиях нового технологического уклада, нового «кондратьевского цикла». Другими словами, речь идет о создании заново всей инфраструктуры, всего основного капитала. Для этого нужны ресурсы, не сопоставимые по объему с ресурсами предприятий, тогда как наши уважаемые депутаты продолжают твердить о необходимости снижения курса рубля якобы в целях защиты какого-то совершенно фантомного «отечественного производителя» (видимо, от отечественного потребителя), который неизвестно по какой причине направит дополнительные доходы на модернизацию, а не на покупку английских футбольных суперклубов или строительство турецких суперотелей. Конечно, депутаты по природе своей не могут не проповедовать каких-то совершенно «экзотических» идей, но когда такие идеи трансформируются в реальную экономическую политику, оказывается, что в результате снижается конкурентоспособность страны. Им нужны информационные поводы, желательны великие потрясения, нам же нужна Великая Россия. Сегодня признаки великой державы — это в первую очередь национальный финансовый рынок в виде мирового финансового центра и национальная валюта, в мировом масштабе играющая роль резервной. Все это требует проведения взвешенной макроэкономической политики, модернизации финансового сектора и формирования благоприятного инвестиционного климата. Совершенно очевидно, что без крупных иностранных, прямых и консервативных, портфельных инвестиций модернизация не может быть осуществлена, а, следовательно, нужно не разглагольствовать об улучшении инвестиционного климата в стране, а кардинально его менять, работать в данном направлении — очень быстро, эффективно и мотивированно.

Для проведения полноценной модернизации России требуется значительный объем прямых долгосрочных инвестиций, привлечение которых возможно только при условии кардинального повышения финансовой конкурентоспособности страны. Значение модернизации экономики России и обеспечения ее эффективного финансирования еще более повышается в условиях перехода к новому технологическому укладу (смены длинных «кондратьевских волн»). В этих условиях дефицит долгосрочных частных инвестиций становится весьма драматичным обстоятельством.

Наметив в своем докладе альтернативу между краткосрочными темпами экономического роста и его устойчивостью (а устойчивость — это одновременно и сбалансированность, и, следовательно, более высокие темпы роста в долгосрочной перспективе) и сделав выбор в пользу устойчивости и сбалансированности, мы тем самым в альтернативе «сбережения или потребление» применительно к использованию населением своих доходов сделали выбор в пользу сбережений и, соответственно, в альтернативе «стимулирование притока инвестиций или стимулирование производства» применительно к развитию реального сектора — выбор в пользу инвестиций. У чиновников же и депутатов — выбор противоположный. А это значит, что они остаются противниками модернизации.

В чем причины такого положения дел? Безусловно, одной из важнейших причин формирования подобной позиции и поведения высшего чиновничества стал «фактор премьер-министра». Сильные стороны В. Путина — жесткость и требовательность — ведут к нежеланию чиновников находить и решать проблемы; господствует лозунг «Не огорчайте папу». Поэтому проблемы замалчиваются, но исправно подготавливаются отчеты: «Все, что запланировали, сделали, идем по намеченному Вами пути». Происходит имитация деятельности: принимаются законы, ведомственные решения. Но никто не задумывается о результатах — куда приведут эти законы и решения, да и будут ли они исполняться. Победные реляции поступают на фоне самого глубокого падения экономики среди всех стран «большой двадцатки», на фоне катастрофического отставания России от своих основных конкурентов на глобальном рынке капитала. Никто не вспоминает о том, что инвестиции в основной капитал упали в стране в 2009 г. на 17% и продолжают «свободное падение» и в 2010 г.

Интересы чиновничества сегодня совершенно не связаны с общественными интересами. Давая оценку одному из предложений (введению института инвестиционных консультантов) нашего доклада, адресованного высшим руководителям страны, заместитель министра финансов берет на себя их полномочия, заявляя: «Инвестиционных консультантов не будет!», и приводит «неопровержимый» аргумент: «Потому что мы так договорились с ФСФР». Другой чиновник, из Минэкономразвития, соглашаясь с полезностью и эффективностью мер по усилению привлекательности инвестиций на российском рынке до уровня наших основных конкурентов на глобальном рынке капитала, удивляется: «Зачем вы их вписали — ведь вы их не согласуете с Минфином?!» То есть полезность того или иного института или механизма определяется не его общественной значимостью, а его «согласуемостью», зависит от текущего состояния комплекса «разменов» в переговорах между ведомствами («Мы вам согласуем этот законопроект, но вы нам тогда согласуйте наш»). Как тут не вспомнить, что во всех цивилизованных странах финансовые регуляторы, оставаясь государственными органами, выведены из системы правительственных органов — именно для того, чтобы финансовое регулирование не погрязло в межведомственных согласованиях. Они понимают, что конкуренция финансовых систем сегодня важнее военной конкуренции. Но в России амбиции отдельных высших чиновников оказались сильнее здравого смысла и мирового опыта, и независимость финансового регулятора отсутствует.

Поднятые в нашем докладе проблемы они понимают под совершенно иным углом зрения — не с точки зрения интересов общества, а с точки зрения своих ведомственных и, более

того, коррупционных интересов. Мы ставим вопрос о введении элементов мегарегулирования (унификация правил на различных секторах финансового рынка, введение контроля за системными рисками) как мер по предотвращению системных рисков и снижению трансакционных издержек при инвестировании населением своих сбережений, утверждая, что эти меры лишь в будущем могут стать предпосылками создания органов мегарегулирования. Чиновники же обсуждают, какой орган назначить мегарегулятором (естественно, тот, в котором они работают или работали!) и какими полномочиями его наделить. Мы говорим о создании национальных гарантийной и компенсационной систем, об эффективности механизмов их функционирования, а гендиректор госкорпорации, занимающейся страхованием вкладов, отвечает, что она «всегда готова принять на себя дополнительные полномочия».

Мы — разные, и у нас совершенно различные интересы. Поэтому для того, чтобы модернизация состоялась, нужно, в числе прочего, провести коренное «реформирование» интересов чиновников, с тем что бы хоть как-то сблизить эти интересы с интересами страны.